

Сергей Саканский

АВТОСТОПОМ

ПО

ВОСЬМИДЕСЯТЫМ

07

ЯШИНЫ
рассказы

Автостопом по восьмидесятым. Яшины рассказы

Сергей Саканский

**Автостопом по восьмидесятым.
Яшины рассказы 07**

«Автор»

2013

Саканский С. Ю.

Автостопом по восьмидесятым. Яшины рассказы 07 /
С. Ю. Саканский — «Автор», 2013 — (Автостопом по
восьмидесятым. Яшины рассказы)

Яша и Серега направляются в Прибалтику с тем, чтобы Серегу, наконец, женить на латышке, но волею судьбы он находит девушек на рижском взморье. Друзья совершают серию экспериментов с советским народом и делают вывод, что советский народ – маленький и беззащитный повсеместно: как на западе, так и на юге нашей многострадальной страны. С чисто научным интересом друзья спешат в Краснодарский край, где продолжают свои наблюдения в сердце Таманского полуострова – в здании местной администрации. Простота языка делает Яшины рассказы доступными самым широким слоям читателей.

Содержание

Маленький беззащитный пипл	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сергей Саканский

Автостопом по восьмидесятым (Яшины рассказы)

Маленький беззащитный пипл *Часть первая*

Однажды Серега решил жениться и выбрал для этого латышскую ченчину по имени Ленхен. Эта Ленхен была очень высокого роста, и ее мама тоже, хоть и пониже чуть-чуть. Но никакой нестыковки нам не грозило, ибо мы с Серегой тоже кабаны еще те. Вернее, на кабана больше похож я, а Серега – он больше на лося похож. Так что эти две высокие и худые ченчины, мама с дочкой, казались по сравнению с нами довольно маленькими и хрупкими, беззащитными, как и весь их многострадальный пипл.

И вот, приехали мы в Ригу цивилизно: в поезде, с билетами, вместе с этим Ленхеном в купе. По пути мы, конечно, возбуждали жестоко, даже туалетную воду у Ленхена освоили. И Ленхен сказала:

– Если вы, мальчики, при моей маме бухать не будете, то я вам потом, на дорогу, бутылку рижского бальзама куплю, самую большую, глиняную, за 13 рублей.

Мы с Серегой почистили зубы в вагонной абпруальне, а сверху, чтобы гарантированно маме выхлопом не вонять, заранее заготовленного мускатного ореха приняли.

Суть нашего визита в Ригу была в том, чтобы Серега со своей будущей тещей познакомился. При чем же тут тогда был Яша? А вот при чем: погостив в Риге несколько дней и от души попив замечательного рижского пива, мы должны были выдвинуться в Гурзуф – через Вильнюс, Минск, Чернигов и Киев. В Вильнюсе у нас были вильнюсяне, в Минске и Чернигове у Сереги ченчины были, а в Киеве ченчина даже у меня была.

Правда, из Вильнюса мы могли через Барановичи и Луцк, лучше на Кишинев выступить, где у Сереги тоже ченчина была, плюс к тому же, нас там молдавские мажоры во главе с Умбой ждали. У этого Умбы в Кишиневе очень много ченчин было, так много, что мы даже хотели его в Ёмбу переименовать, только он не дался, трансильванец.

И вот, стоим мы на почте, еще в Москве, маршрут выбирая, и все наши деньги от греха по разным городам переводами сносим: Серега мне посылает, а я – Сереге. Так, от фонаря кидаем, кто куда хочет, по червонцу и более. В Тамань, например, я сразу полтинник кинул, чтобы потом, на месте, его в вайн превратить. Шел уже 1984-й год, и вайн на Тамани подорожал: уже не по рублю за литр, а по полтора шел, так что на полтинник можно было не пятьдесят литров взять, а всего тридцать три, а на оставшиеся пятьдесят копеек – два больших белых кирпича взять. Такие белые хлебные кирпичи по всей стране продавались, а настоящие эллиптические батоны, можно было без напряжения только в крупных городах купить.

Потом, когда мы почтовые квитанции пролистали, оказалось, что наш маршрут через Запорожье и Днепропетровск пролегает, так как Серега туда по двадцатке зачем-то кинул, поэтому в том году Кишинев с его Ёмбой был в пелвис послан. Выяснилось, между прочим, что Серега тоже в Тамань перевод кинул: сорок пять рублей, что означало, как нетрудно посчитать – ровно тридцать литров. Таким образом, на Тамани мы были вынуждены не меньше недели жить – Нина кричать да Джуманияза делать.

Но я отвлекся, в отступление ушел. Вот, входим мы на флэт к Ленхену, с мамой знакомимся. А мама на нас зорко, неприязненно смотрит: то на Серегу, то на меня. Сели кофе на

кухне пить в маленьких чашечках, по чуть-чуть. А мама зорко, злобно все смотрит и смотрит на нас. И все больше почему-то на меня – еще более зорко и злобно, чем на Серегу.

Вышли мы на балкон, Беломор покурить, город сверху осмотрели, увидели неподалеку какую-то торговую точку, прикинули: гамазин это или простой магазин. В России гамазин от магазина легко отличить, даже по первому взгляду. А вот в Латвии пипл повсюду трезвяком ходит, даже вокруг гамазинов.

В Литве, в Вильнюсе, он попроще, более свой: там, как и у нас, все в пелвисе ходят. А в Латвии и Эстонии пипл все больше трезвый, смурной.

Вот, возвращаемся мы на кухню, и видим: обстановка изменилась. Теперь мама почему-то на нас улыбочиво, по-доброму смотрит. Причем, на меня она вообще не смотрит, а смотрит только на Серегу.

Оказывается, мама не знала, кто из нас он, и почему-то подозревала, что он – это я. Но, пока мы на балконе стояли и гамазин рассматривали (это был, как выяснилось, именно гамазин), Ленхен объяснила маме, что он – это Серега, а я – это просто Яша, и мама расцвела, потому что ей тоже Серега понравился гораздо больше, чем я.

И началась наша в Риге унылая рижская жизнь. Мама с Ленхеном нас по городу водят, высокие и стильные, и мы, тоже такие большие и стильные, трезвые, рядом с ними неплохо смотримся, ходим мимо гамазинов да пивняков, достопримечательности разглядываем: пусты и темны наши глаза. Ленхен-то всё понимает, время от времени толкает Серегу в бок, тихо шипя:

– Бальзам. Рижский глиняный бальзам.

И от этого в наших глазах легкие радостные искры мелькают. И тянет нас с такой радости в пивняк, сильно, неуправляемо тянет.

Ленхен это просекла и, уже когда мы с Серегой твердо решили: сейчас пойдем якобы в абпруальню, и потеряемся, а потом – мускатный орех, то она вдруг толкает Серегу в бок и шепчет:

– Два, два бальзама.

Тут я уточняю:

– Три. Глиняных. А один запасной.

Ленхен говорит:

– Маленький.

На том и порешили. За это мы до самого нашего отъезда из Риги бухать не будем. И мама подумает, что Серега, жених ее дочери, трезвый, положительный человек. Равно как и друг его Яша.

Долго ли коротко – пережили мы весь этот ужас. В день отъезда Ленхен выдвинулась на улицу, значительно посмотрев в нашу сторону. Мы вышли на балкон, Беломор покурить и увидели, как ее высокая, стройная фигура пересекает площадь, стремясь непосредственно к гамазину, виляя узкими бедрами, и как вскоре движется на высоких каблуках обратно, уже бережно держа полную авоську.

Потом она отозвала потихоньку Серегу в угол и, один за другим, передала ему в руки три глиняных бутылена, бутыленами коричнево блеснув. Принимая каждый бутылена, два больших и один маленький, Серега удовлетворенно кивал, и я тоже, стоя рядом, умиротворенно урчал.

Ленхен сказала:

– Я провожу вас на вокзал.

Но мы бурно запротестовали. Серега сказал:

– Не люблю затягивать прощанье.

К тому же, мы вовсе не на вокзал выдвигались, а на трассу, намереваясь отрезок до Вильнюса классическим автостопом пройти. Был уже вечер. Мы думали вырваться из города как можно дальше, пока светло, и заслечь где-нибудь в соломенной скирде, с рижским бальза-

мом, глядя на звезды и печальные огни латышских хуторов, слабо дрожащие вдали. Но, как выяснилось, нас ждала иная судьба.

Жених и невеста скромно поцеловались, мы поблагодарили маму и галантно прильнули к ее руке, шелкнув от наслаждения каблуками. Мама была очень довольна, что у дочки такой обходительный, трезвый жених, а у жениха – такой вежливый, трезвый друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.